

ДИНА МАЛЫШЕВА

Развивающиеся страны в меняющемся мире

Этапы большого пути

Развивающиеся страны Азии и Африки занимают важную нишу в современном мироустройстве, процесс становления которого оказался растянутым на несколько временных периодов.

Первый период (1991—2001 годы) вступления глобального мира в новую фазу своего развития ознаменовался исчезновением биполярной системы, порожденной Второй мировой войной, роспуском Советского Союза вместе с мировой системой социализма с ее странами «народной демократии» в Восточной Европе и государствами «социалистической ориентации» в Азии, Африке и Латинской Америке. С ликвидацией Организации Варшавского договора наступило время практически неограниченного доминирования на мировой арене НАТО и ведущей державы мира — США, которым удалось на время оттеснить на вторые роли в мировой политике не только своих союзников по Североатлантическому альянсу, но и все остальные государства.

В условиях новой эпохи международные политические конструкции (и в первую очередь ООН), функционировавшие всю вторую половину

XX столетия, были если не демонтированы окончательно, то по меньшей мере серьезно расшатаны. Политической теорией и практикой были предложены альтернативные модели мирового порядка. Так, широкое хождение получила концепция «растворения суверенитета», частично реализованная практикой Европейского Союза. В период президентства Б. Клинтона популярность приобрела идея «глобального демократического консенсуса», предлагавшая сделать центром принятия военных и политических действий не ООН, а «сообщество демократических стран». Но уже и тогда одновременно с демонтажом выросшего на развалинах СССР постялтинского мира¹ и утверждением курса на «односторонность» в мировом политическом процессе многие геополитические события де-факто прокладывали дорогу к становлению полицентричного мира.

¹ Ялтинским, или ялтинско-потсдамским (по названию проведенных в 1945 году в Ялте и Потсдаме конференций союзников), принято называть устройство мира, просуществовавшее до начала XXI века и сменившееся затем, как считает ряд геополитиков, постялтинским миропорядком. См., например: **А. Дугин**. Социология геополитических процессов. М., 2009.

Так, азиатский финансовый кризис (1997—1998) в странах Южной и Восточной Азии, ставший самым серьезным потрясением для экономики 1990-х годов, привел к созданию в 1999 году неформальной «Группы двадцати» для совместного обсуждения развитыми и развивающимися странами проблем глобальной экономики.

Второй этап (2001—2007) явил собой «завершающую фазу переходного периода в эволюции международных отношений» — «от биполярности к постбиполярности»². Основным содержанием этого исторического этапа — борьба с международным терроризмом — определили террористические акты в США 11 сентября 2001 года, посредством которых международный терроризм заявил о себе не как о локальном или региональном (в масштабе преимущественно только Ближнего Востока) явлении, а как о транснациональном феномене. Побочным эффектом борьбы с этим угрожающим международной безопасности явлением стали войны, которые США и их союзники развернули в исламском мире. К их числу относится, во-первых, военная операция США и НАТО в Афганистане (она началась 7 декабря 2001 года и будет, как предполагается, завершена в 2014-м), результатом которой стали разгром режима «Талибан» и ликвидация основных ячеек «Аль-Каиды»; и во-вторых, война в Ираке, объявленная администрацией США как продолжение борьбы с международным терроризмом. Однако, устранив диктатуру С. Хусейна и оккупировав Ирак (20.03.2003—18.12.2011), США нарушили статус-кво на Ближнем Востоке,

следствием чего стало усиление влияния Ирана и шиитского фактора в регионе.

К другим знаковым событиям этого периода следует отнести дальнейшее расширение НАТО и Европейского Союза; принятие в 2006 году России в «Группу 7» и завершение преобразования последней в «Группу 8» в качестве глобального экономического и политического института. В целом же попытки организовать международно-политический процесс на началах «односторонности» провалились, в том числе и вследствие того, что так называемое имперское перенапряжение помешало США управлять всеми событиями в мире. США натолкнулись на реалии «постамериканского», по определению американского политолога Ф. Закария³, мира, где наращивала динамику полицентричная система международных отношений.

Исходным моментом *третьего периода (2008 год — по настоящее время)* стал, вне всякого сомнения, мировой экономический кризис, начавшийся осенью 2008 года и вызвавший к жизни массовое протестное движение в арабском мире («Арабская весна»), а также в Европе и Америке («Глобальная весна»⁴). В числе других важных геополитических событий этого периода следует отметить следующие:

— попытка начать в 2009 году «перезагрузку» российско-американских отношений;

— кризис европейской интеграционной модели, последовавший за глобальным экономическим и финансовым кризисом;

³ См. Ф. Закария. Постамериканский мир будущего. М., 2009.

⁴ См. J. Stiglitz. The 99 percent wakes up. — «From Cairo to Wall Street: voices from the Global Spring. 2012» (<http://www.thedailybeast.com/articles/2012/05/02/joseph-stiglitz-the-99-percent-wakes-up.html>)

² В. Барановский. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. — «Международные процессы». 2010. Т. 8. С. 4.

— «тройное бедствие» в Японии в 2011 году — разрушительное землетрясение, мощное цунами и радиационная авария на АЭС «Фукусима-1»;

— развернувшаяся с конца 2010 года «Арабская весна», коренным образом и не всегда в лучшую сторону меняющая политический ландшафт Ближнего Востока и Северной Африки;

— военная операция сил международной коалиции/НАТО в Ливии (17.03.—31.11.2011), выявившая в неприглядном свете практику силового решения международных проблем методом «гуманитарных интервенций»;

— смещение фокуса международной конкуренции с пространства Европы, Балкан и Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР); задачу формирования там «архитектуры безопасности и сотрудничества» российский МИД считает одной из приоритетных⁵, в то время как американский Госдепартамент определяет АТР в повестке дня будущего США как «ключевой двигатель глобальной политики»⁶.

Формирующаяся во втором десятилетии XXI века мировая система предстает уже в качественно новом облике — не как классическая многополярная модель, а, скорее, как «мир без полюсов»⁷, где вырастают альтернативные центры влияния. Наряду с

усилением взаимозависимости стран друг от друга растет удельный вес угроз международной стабильности со стороны «негосударственных» субъектов — этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и прикрывающегося, как правило, религиозной личиной транснационального терроризма. Приобретает многосторонний характер гонка вооружений, стимулирующая становление «многополярного ядерного мира»⁸. Новое качество обретают такие явления, как международная преступность, наркоторговля, киберугрозы. Возрастает значение энергетического фактора, усиливается конкуренция за доступ к энергоресурсам, получившая название «энергетической гонки». И пока альтернативные источники энергии еще только находятся в процессе становления, страны, обладающие крупными нефтяными и газовыми запасами (Россия — в их числе), во многом определяют состояние мирового климата.

В таком многоуровневом высокоподвижном мире выдвигающиеся на первый план глобальные проблемы требуют новых многосторонних подходов — со стороны развитых и развивающихся государств, международных институтов, негосударственных *акторов*. Потому-то наряду с традиционными участниками — государствами и межгосударственными структурами — в международные отношения все чаще вступают новые игроки: бизнес-корпорации, гражданское общество, различные неправительственные и надгосударственные объединения, сетевые структуры.

⁵ См. «Выступление и ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам 11-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Москва, 13 апреля 2012 года». Документ 764-13-04-2012. — www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C543C0D3AE1CCE99442579DF00411C64

⁶ См. **Н. Clinton**. America's Pacific Century. — «Foreign Policy». 12.11.2011 (www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century).

⁷ См. **R. Haass**. The age of non-polarity. What will follow the U.S. dominance? — «Foreign Affairs». 2008. Vol. 87.

⁸ См. **С. Погов**. Вызовы международной безопасности в XXI веке. — «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Н. Н. Иноземцева, 4 апреля 2011 г.» М., 2011. С. 30—33.

Они в условиях глобализации все активнее формируют новые транснациональные уровни и формы международного взаимодействия и мировую политику.

Начинает осторожно конвертироваться в политическое влияние потенциал новых центров мирового роста, где особо выделились Индия и Китай. Наступившая эпоха не говорит уже о явном доминировании той или иной сверхдержавы, и на международной арене присутствуют десятки государств, осуществляющих внешнюю политику на основе мощи, которая может быть военной, экономической, дипломатической или культурной. «Мощь — рассеянная, многообразная, неконцентрированная — находится в современном мире во многих руках и во многих местах», — утверждает американский политолог Чарльз Капчан⁹. Обращает на себя внимание и тот факт, что в динамично меняющейся мировой политике метаморфозу претерпевают азиатские и африканские страны, воспринимавшиеся прежде традиционно как часть третьего мира.

Как вас теперь называть?

Само понятие «третий мир», введенное, как считается, в политический лексикон французским социологом А. Сови¹⁰, долгое время служило для обозначения конгломерата стран и регионов, хотя и отличавшихся друг от друга по параметрам культу-

ры, развитию и пр., но объединенных в одну группу по критериям их несхожести с развитыми индустриальными странами. Произошедшие на рубеже 1980—1990-х годов геополитические изменения — когда при сохранении «первого мира» (его стали называть «Западом», «Севером», «Центром» или же «золотым миллиардом») исчез «второй» (СССР и мировая социалистическая система), а глобализация привела к усилению в третьем мире неравномерности и углублению дифференциации — побудили ученых и специалистов заняться определением того, как же называть теперь массив стран, обобщенно именовавшихся в прошлом «третьим миром».

Ранее использовавшиеся понятия «периферия», «Юг» и др. были дополнены со временем такими, как «южные государства»¹¹, «Запад и остальные»¹². Расширительно стал трактоваться термин «Восток»: к нему причислили не только государства и геополитические регионы, расположенные в Азии и на Ближнем Востоке, но также всю Африку и постсоветские страны Южного Кавказа и Центральной Азии¹³, при том что последние относили иногда к категории «Мусульманский Север»¹⁴. Но сохранилось и определение «развивающиеся страны», которое широко используется ныне в научных работах, документах ООН и других

¹¹ См. **G. Hawthorn**. The crisis of Southern States. — «Political Studies». 1994. Vol. 42. Special issue.

¹² См. **K. Mahubani**. The West and the Rest. — «The National Interest». 1992. Summer.

¹³ См.: **В. Я. Белокреницкий**. Восток в международных отношениях и мировой политике: курс лекций. М., 2009; «Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы». М., 2011; «История Востока». Т. 6: Восток в новейший период (1945—2000 гг.). М., 2008.

¹⁴ См. **Д. Б. Мальшева**. Россия и Мусульманский Север в водоворотах нового миропорядка. М., 2003.

⁹ **Ch. A. Kupchan**. No one's world. The West, the rising Rest, and the coming global turn. A CFR Book. Oxford, 2012. — *Цит. no.*: «No power will dominate the coming era, argues Charles Kupchan in New Book. March 2, 2012. Council on Foreign Relations» (www.cfr.org/grand-strategy/no-power-dominate-coming-era-argues-charles-kupchan-new-book/p27531).

¹⁰ См. **A. Sauvy**. Trois mondes, une planète. — «L'Observateur». 14.08.1952.

международных организаций, хотя единых и общепринятых правил, согласно которым то или иное государство следовало относить к развитым либо развивающимся странам, так и не было предложено.

По классификации Международного валютного фонда, который учитывает в первую очередь такие показатели, как ВВП на душу населения, диверсификацию экспорта (нефтяного, газового и пр.) и уровень интеграции в глобальную финансовую систему, все страны ранжируют по следующим категориям:

— развитые (в их число включены также удачно вписавшиеся в международное разделение труда аравийские монархии Персидского залива, новые индустриальные государства ЮВА, Кипр, Мальта);

— развивающиеся;

— переходные (транзитные) — то есть те, кто не относится ни к первой, ни ко второй категории (страны Восточной Европы, бывшего Советского Союза, Монголия).

В свою очередь Мировой банк разделяет все страны согласно уровню ВНД (валового национального дохода) на душу населения на четыре группы (с низким уровнем доходов, с уровнем доходов ниже среднего, с уровнем доходов выше среднего и высоким уровнем доходов), причисляя к категории «развивающихся» страны, относящиеся к первой и второй группам.

Общепризнанно, что значительное число азиатских и африканских стран остается на положении слабо-развитых, и их экономический рост, несмотря на внешнюю помощь, не поспевает за ростом населения. Внутри этой группы есть страны и территории, которых наделяют — преимущественно в англоязычных странах Запада и, главным образом, в амери-

канском научном и политическом обществе — терминами «упадочные», «несостоявшиеся», «провальные» и пр.¹⁵ Такие неблагополучные в экономическом и политическом планах страны, анклавные и регионы, погруженные в конфликты и внутренние нерешенные проблемы, не сумевшие сохранить себя в качестве полноценных государственных образований, и именуют порой «третьим миром». Называют их также «серыми зонами», «зонами озабоченности»¹⁶, «неконтролируемыми территориями». Последние, по определению российского ученого В. А. Колосова, официально находятся под юрисдикцией какой-либо страны, но фактически полностью управляются «лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами и местными вождями»¹⁷. Оттуда-то бумерангом к «Северу» возвращаются многие проблемы в виде терроризма, нелегальной миграции, наркоэкспансии и пр.

Существование таких неблагополучных территорий дает основание для изображения стран Азии и Африки в рамках дихотомии «Север — Юг» (по аналогии «Запад — Восток»), и они рисуются некоторыми авторами как два антагонистичных полюса или же как вступившие в столкновение культур цивилизации¹⁸. «Юг» с его нестабильной политической обстановкой, авторитарными и диктаторскими по-

¹⁵ К ним обычно причисляют Сомали, Афганистан, Северный Пакистан, некоторые части Ферганской долины в Узбекистане, южную часть Кыргызстана и др.

¹⁶ См. «Aga Khan Development Network, 2005». — *Цит. по:* «Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. 2005». С. 231.

¹⁷ В. А. Колосов, Е. С. Мироненко. Геополитика и политическая география. Учебник для вузов. М., 2001. С. 479.

¹⁸ См. С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

литическими системами, массовой преступностью, этносоциальными конфликтами, религиозным экстремизмом предстает в такой трактовке как деструктивная сила, угрожающая не только безопасности «Севера», но и всему современному миропорядку¹⁹. Если, однако, учесть, что конфликты на этнической почве, религиозный фанатизм и некоторые другие явления, угрожающие безопасному развитию государств, стали уделом не только Азии и Африки, но и «просвещенной Европы», то становится очевидной уязвимость подобной аргументации. Зачастую она имеет к тому же и политическую мотивацию: так, Исламская Республика Иран — влиятельная ближневосточная держава с хорошо развитой политической системой, обладательница относительно высокоразвитых технологий, собственной космической программы и пр. — включена США в категорию «провальных стран» только потому, что Иран демонстративно отказывается подчиняться диктуемым США правилам международного поведения и претендует в своей внешней политике на самостоятельность в делах региона.

«Растущие державы»

Динамику современных международно-политических процессов в Азии и Африке определяют не «неудачники» или же «провальные»

¹⁹ Так, в геополитической картине мира, предложенной российским ученым А. И. Неклессой, наряду с «Новым Севером» и «Новым Востоком» присутствует повергнутый в хаос «Глубокий Юг», включающий многочисленные страны и территории, являющие собой пример дробления политического пространства Азии и Африки. См. **А. И. Неклесса**. Эпilog истории, или модернизация versus ориентализация. — «Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия». Сб. 2: Глобализация и Периферия. М., 1999. С. 21—58.

страны, хотя, разумеется, не стоит недооценивать их негативного воздействия на экономический и политический климат в регионах и мире. А вот что действительно придает новизну глобальной международно-политической ситуации, так это появление в последние годы пока еще немногочисленной группы «растущих держав» из числа развивающихся стран.

К ним обычно причисляют Бразилию, Индию, Китай, Южную Африку, арабийские монархии, некоторые страны Восточной Азии и даже Россию²⁰. Входящие в эту группу страны — экспортеры энергоресурсов смогли обеспечить за счет перераспределения нефтяной ренты повышение душевого дохода до уровня, сопоставимого с развитыми странами, а иногда даже превышающего его. Относительно стабильная политическая обстановка, выгодное географическое положение, наличие дешевой рабочей силы, большой запас сырья или редких его видов и пр. позволили многим из них успешно включиться в международное разделение труда. Что касается Китая и Индии, выбившихся в число лидеров мирового экономического роста и обладающих плюс к тому ядерным оружием, то их иногда называют «великими державами». Следует отметить, однако, что само это понятие в современную эпоху обрело новое звучание. Оно не предполагает больше наличия полного набора инструментов, позволяющих проецировать в глобальном масштабе мощь, как это было в период биполярного противостояния или даже в 1990-е годы. Да и сам геополитический климат в регионах и мире.

²⁰ См. **Э. Харт, Б. Джонс**. Как укрепляются растущие державы. — «Вестник международных организаций». 2011. № 2.

литический потенциал Китая и Индии во многом лимитируется их собственными серьезными проблемами (демографическими, социальными, экономическими, энергетическими, экологическими и пр.).

«Растущие державы» с динамичной переходной экономикой входят в «Группу 20»²¹. Она успешно функционирует наряду с ведущими промышленно развитыми странами — участниками неофициального форума «Группы 8». На их долю (за вычетом России) приходится почти половина мирового экспорта, промышленного производства и активов МВФ. Само создание «Группы 20» вскоре после разразившегося в 1998 году азиатского экономического кризиса было обусловлено растущим пониманием того, что крупные развивающиеся страны недостаточно включены в обсуждение и управление глобальной экономикой, международной финансовой системой и что они способны поддержать рост и развитие в мире. Не удивительно, что к концу первого десятилетия 2000-х годов «Группа 20» фактически заменила «Группу 8» в качестве главного органа для решения экстренных глобальных экономических и финансовых вопросов. Кроме того, внутри ВТО как коалиция развивающихся стран существует «Группа 20 в рамках ВТО», где развивающиеся страны обсуждают предложения западных стран по торгово-экономическим вопросам и нередко блокируют их.

²¹ Она состоит из министров финансов и председателей центральных банков Аргентины, Австралии, Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Индонезии, Италии, Канады, Китая, Мексики, Турции, России, Саудовской Аравии, США, Франции, ЮАР, Южной Кореи, Японии, а также Европейского Союза, который представлен переходящим председательством Европейского совета и Европейским центральным банком.

«Растущие державы» с их динамично развивающимися экономиками постепенно наращивают потенциал влияния на международные отношения и становятся активными участниками выработки новых правил игры в мировой политике. Трудно представить себе решение многих проблем (конфликты, ядерные программы, изменение климата и пр.) без участия этой группы стран, с которыми промышленно развитые страны Запада вынуждены считаться и взаимодействовать. Происходит активное становление и других форм вовлечения развивающихся государств в мировые дела, в том числе и в рамках региональных организаций.

Развивающиеся страны и их организации в мировой политике

Ее определяющим фактором стала в последние десятилетия глобализация. Это явление имело, однако, для стран и регионов Азии и Африки неоднозначные последствия. С одной стороны, глобализация ускорила здесь трансформацию ряда авторитарных обществ в сторону восприятия отдельных элементов либерально-рыночной модели. Создала глобализация и благоприятные условия для их сотрудничества с развитыми странами Запада; стимулировала она экономическую модернизацию, способствуя большей вовлеченности азиатских и африканских стран в мировые экономические процессы. Но с другой стороны, глобализация, оставляя национальным государствам незначительные шансы на сохранение своего экономического, политического и культурного суверенитета, усилила их зависимость от развитого мира, поскольку одной из целей гло-

бализации является обеспечение стабильного состояния экономической системы Запада («Севера», «золотого миллиарда») за счет постоянного вливания в нее дешевых ресурсов Востока («Юга»). Потому-то справедливым представляется утверждение российских исследователей С. Лунева и Г. Широкова о том, что деление мира на «Север» и «Юг» не исчезло в эпоху глобализации, и расхождения между развитыми и развивающимися странами сохраняются и растут по социально-экономической (посткапитализм — капитализм) и по экономической (постиндустриальный — индустриальный миры) линиям²².

Что касается политической глобализации, то она, хотя и важна развивающимся странам по ряду параметров, остается во многих случаях не более чем фоном для событий и тенденций, развивающихся *внутри* территориально-пространственных ареалов Азии и Африки, где прежнюю остроту сохраняют социальные и национально-этнические проблемы, религиозный фактор, коррупция, клановость и пр. Тем не менее политическая глобализация, проявившись в разных регионах Азии и Африки по-разному, в основном выполнила свою функцию. Она привязала значительный массив развивающихся стран к западной стратегии, нацеленной в последние годы на приоритет над национальным суве-

ренитетом глобальному управлению международными процессами со стороны надгосударственных (и контролируемых Западом) институтов (МВФ, Мировой банк, НАТО), а также на трансформацию развивающихся стран в сторону их дальнейшей территориальной фрагментации, также объективно подрывающей их национальный суверенитет.

Таким побочным эффектом глобализации можно считать в известном смысле «Арабскую весну», а также ее разновидность — «твиттерную рево-

В перспективе же масштабы политической глобализации могут быть либо серьезно ограничены, либо саму ее ждет бесславный конец в том случае, если антизападные (исламистские) силы возьмут курс на построение общественно-экономических моделей, отличных от либерально-рыночных.

люцию» с ее широко задействованными сетевыми информационными технологиями. Совпадающие, как правило, с выборным циклом такого рода революции неизбежно влекут за собой внутривнутриполитическую дестабилизацию с непредсказуемым исходом, облегчают военное-политическое вмешательство извне (как в Ливии и Сирии), ведут к утрате государствами суверенитета. Усилившаяся вследствие «Арабской весны» тенденция к реформатированию Ближнего Востока и прилегающих

²² См. С. И. Лунев, Г. К. Широков. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001.

к нему регионов в сторону их дальнейшего дробления объективно выгодна Западу, поскольку увеличивает шансы на сохранение его военного и политического влияния в этом стратегически важном регионе.

Своеобразным продуктом политической глобализации можно считать и транснациональный религиозный экстремизм (ТРЭ), который создал огромную информационно-пропагандистскую сеть почти во всех странах мира. Усложнилась в современных исторических условиях и международная система действий сторонников ТРЭ. Наряду с использованием международных каналов финансирования, приобретения оружия, боеприпасов, технических средств и пр., экстремистские организации более активно подключились к нелегальной торговле оружием и наркотиками, что привело к их тесному сращиванию с международным преступным бизнесом. Важно отметить также, что ТРЭ имеет весьма опосредованное отношение к исламской религиозной традиции; а тот факт, что многие его центры базируются в западных столицах, дает ряду экспертов повод подозревать западные спецслужбы в использовании некоторых ячеек ТРЭ в своих политических интересах. Так, обобщенная «ближневосточная Аль-Каида», объявившая Иран и Сирию (а ранее — ливийский режим) своими основными противниками, объективно работает в нужном для Запада направлении (другое дело, что аналогичной кооперации не удастся достичь с организациями ТРЭ, действующими в Афганистане, Пакистане, Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая).

В перспективе же масштабы политической глобализации могут быть либо серьезно ограничены,

либо саму ее ждет бесславный конец в том случае, если антизападные (исламистские) силы возьмут курс на построение общественно-экономических моделей, отличных от либерально-рыночных. Не случайно именно исламская альтернатива (с ее фокусом на «исламскую экономику», «исламское государство», «ислам как образ жизни и состояние души»), а не «красный» (социалистический) проект, рассматривается с начала XXI века как главный конкурент активно, а порой и агрессивно продвигаемого западного глобалистского проекта.

По мере того как в Азии и Африке все более скептически воспринимают глобализацию, которая ведет местные общества, по мнению многих, к утрате социокультурной идентичности, возрастает роль регионального фактора. Современный регионализм, направляющий усилия на увеличение безопасности, стабильности и устойчивости, становится сферой взаимодействия между государствами и негосударственными субъектами. Как справедливо отмечает российский ученый С. М. Рогов, «завершается продолжавшаяся несколько столетий эпоха глобального доминирования Запада. Процесс глобализации не прекратился, но в нем все большую роль начинают играть другие регионы, еще недавно являвшиеся объектами, а не субъектами мировой политики, ...идет процесс перераспределения экономической мощи, ...сейчас закон неравномерности действует в пользу Востока, а не Запада»²³.

Показатели того, что регионализация получает мощные импульсы, заметны и многообразны. Но наиболее успешно регионализация

²³ *Цит. по:* «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России». С. 28.

осуществляется вокруг государств-лидеров, обладающих военно-политической и технико-экономической мощью.

Так, образованная «растущими державами» группа БРИКС (в составе Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики) стремится к формированию более рационального глобального экономического порядка. В Делийской декларации, принятой странами БРИКС по итогам прошедшего 28–29 марта 2012 года саммита в столице Индии, высказывается недовольство медленными темпами реформирования МВФ и Мирового банка, а также тем, что Запад игнорирует договоренности о перераспределении голосов в пользу стран с быстро развивающимися рынками, доля которых в мировой экономике неуклонно растет. Зафиксировав более решительный подход к реформированию мировой финансовой системы, БРИКС все чаще проявляет себя как политическая организация развивающихся государств, «разбивающая старый международный порядок» и продвигающая в международных отношениях идею многополярного мира²⁴.

К примеру, в Саньяньской декларации, подписанной в апреле 2011 года, страны БРИКС заявили о необходимости проведения комплексных реформ в ООН и ее Совете Безопасности, чтобы эта международная организация эффективнее представляла интересы развивающихся стран. В марте 2011 года страны БРИКС воздержались от голосования по резолюции СБ ООН, касающейся создания беспилотной зоны над Ливией; 4 октября того же года участники БРИКС и по-

стоянные члены Совета Безопасности ООН — Россия и Китай наложили вето на резолюцию Совбеза, грозившую Сирии санкциями в «ливийском духе»²⁵; а 24 ноября заместители министров иностранных дел стран БРИКС провели в Москве консультации по ситуации на Среднем Востоке. По итогам их встречи было опубликовано совместное коммюнике, в котором содержался призыв к уважению «суверенной независимости и территориальной целостности средневосточных стран и мирному урегулированию кризиса в регионе»²⁶.

Все это не исключает существования внутри БРИКС разнонаправленных внешнеполитических ориентаций и наличия геополитических противоречий (например, между Китаем и Индией). Есть и такой негативный момент, как отсутствие общего пространства — географического, экономического, цивилизационно-культурного. Главное же — имеются серьезные различия в темпах и перспективах экономического развития стран БРИКС²⁷.

Наряду со странами, входящими в БРИКС, серьезный ресурс экономического и международно-политического влияния обнаруживается и у ряда других крупных развивающихся стран (Бангладеш, Вьетнам, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Турция, Филиппины, Южная Корея). Для них аналитики одного

²⁵ См. **И. Лебедева**. Россия и Китай положили конец «арабской весне»? — «Международная жизнь». 05.10.2011 (www.interaffairs.ru/read.php?item=7933).

²⁶ «Совместное коммюнике по итогам встречи заместителей министров иностранных дел государств БРИКС по ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Москва, 24 ноября 2011 г.» Документ 1854-24-11-2011. — www.mid.ru/brp_4.nsf/0/15B4C032368D0644442579520058D816

²⁷ См. подробнее об этом: **Р. Ларионов**. Нужны ли БРЮКИ БРИКС? — www.rus.ruvr.ru/2012_03_30/70085736/

²⁴ См. «БРИКС — новая сила, разбивающая старый международный порядок». — «Жэньминь жибао». 30.03.2012 (www.rus.ruvr.ru/_print/70074029.html).

из крупнейших в мире коммерческих банков США «Goldman Sachs» придумали особое название — «Следующие одиннадцать» (Next-11, N-11)²⁸. Примечательно, что в эту группу были включены многие страны, считавшиеся еще недавно «провальными», а также Иран, который до сих пор записывается Западом в число мировых «изгоев» (rogue states).

В качестве отдельной группы, которая все в большей степени занимается проблемой предотвращения угроз безопасности, обращает на себя внимание Форум ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка). На переговорах по изменению климата в Копенгагене возникла группа БАСИК в составе Бразилии, Южной Африки, Индии и Китая.

Нагляднее всего это проявилось в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), где влиятельным фактором политических и экономических перемен стал Китай, хотя трудно при этом игнорировать тот факт, что встраивание КНР в региональные политические и экономические процессы, как и его восприятие другими региональными игроками, в целом неоднозначно и противоречиво.

В АТР повестку дня по многим международно-политическим и экономическим проблемам формирует ряд многосторонних региональных и трансрегиональных объединений. В их числе — Организация Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, Совещание по взаимодействию и

мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии, «тройка» Россия—Индия—Китай и др. Они оказывают серьезное влияние не только на региональные, но и мировые процессы. В частности, ШОС преследует цель обеспечить региональную безопасность и содействовать экономическому сотрудничеству, противодействовать угрозам терроризма, сепаратизма, экстремизма, наркоторговли и организованной преступности. Другие организации в АТР также становятся площадками для межправительственного диалога по проблемам мира и стабильности, платформой для формирования в перспективе системы коллективной региональной безопасности.

Региональные группировки существуют и в Южной Азии (Ассоциация регионального развития и др.), однако их роль в международной политике и международном разделении труда на порядок ниже тех, что действуют в АТР. Аналогичная ситуация складывается и с формированием региональных объединений в Африке, которые порой носят формальный характер и мало влияют на международно-политическую ситуацию даже в этом регионе.

На Ближнем Востоке региональная интеграция только начала развиваться. Помимо Лиги арабских государств и Организации стран—экспортеров нефти (ОПЕК), здесь в последние годы активизировал свою деятельность Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Делаются попытки решать проблемы экономической и политической направленности в рамках организаций, объединяющих страны с преимущественным мусульманским населением — Организация Исламской конференции, Лига исламского мира, Организация по экономическому

²⁸ См. J. O'Neill. The Growth map: economic opportunity in the BRICs and beyond. 2011. /Reviewed by Benjamin Shobert in: BRIC by brick to the future. — «Asia Times». 25.02.2012 (www.atimes.com/atimes/China_Business/NB25Cb01.html).

сотрудничеству. Последняя известна также как D-8 (Developing Eight), или «Исламская восьмерка», поскольку эта организация объединяет восемь развивающихся государств (Турция, Иран, Пакистан, Малайзия, Бангладеш, Индонезия, Египет и Нигерия), где мусульмане составляют большинство населения.

Наметилась на Ближнем Востоке и тенденция к развитию межгосударственного взаимодействия по линиям: Турция — страны Персидского залива; арабские страны Ближнего Востока и Персидского залива; Иран — некоторые арабские страны (Ирак, Ливан, Сирия).

В связи со все более активным вступлением развивающихся стран в глобальное управление и развитием новых тенденций, «имеющих ключевое значение для глобальной политики и мировой экономики», известный американский экономист Джеффри Сакс подчеркивает: «Геополитический маятник решительно качнулся от мира, где доминировали Европа и США, к структуре, в которой существует много региональных держав, но нет глобального лидера... Европейские экономики нуждаются снова в дополнительной помощи и должны обращаться к развивающимся странам — Бразилии, Китаю, Индии, экспортерам нефти из Персидского залива и другим, чтобы те предоставили необходимые ресурсы». По мнению Сакса, «изменения в системе глобального влияния гораздо более сложные, чем простое ослабление роли США и Евросоюза и укрепление развивающихся экономик, особенно стран БРИКС... Мы также наблюдаем переход от однополярного мира, где главенствовали прежде всего США, к действительно многополярному порядку, в котором США, ЕС, БРИКС и

многие другие менее крупные силы (такие, как Нигерия и Турция) имеют вес у себя в регионах, но достаточно медленно занимают позиции мировых лидеров». Преимущество от такого перехода к многополярному миру Сакс видит в том, что «ни одна страна или небольшая группа стран не может доминировать над другими». По его мнению, «у каждого региона будет пространство для маневра и возможность найти собственный путь»²⁹. Добавим к этому, что меняется и само содержание региональной интеграции, которая все чаще растворяется под напором больше отвечающих современному моменту отношений партнерств — временных или постоянных, в зависимости от масштаба решаемых проблем.

Подводя итоги, отметим: современный мировой порядок гораздо сложнее системы, существовавшей во времена биполярного противостояния. Разделение стран на «миры» и категории, проведение строгой разграничительной линии между индустриально развитыми и слаборазвитыми (развивающимися) странами больше не соответствует реалиям стремительно меняющегося мира. Более того, такое устаревшее деление вводит в заблуждение при описании международных отношений, складывающихся в рамках современной мировой системы. В ней, как подчеркивает В. Барановский, «произошло и продолжает происходить перераспределение удельного веса между различными существующими и

²⁹ См. «Сессия МВФ и Всемирного банка: в центре внимания — борьба с кризисом». — www.rondon.org/polit-120511101458

возникающими центрами влияния, в частности в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и мир в целом. Главная интрига в формирующейся международной системе разворачивается по линии отношений между развитым и развивающимся миром... Мир уже не делится на относительно небольшую индустриальную часть и множество слаборазвитых стран. Теперь сложилась другая формула: группа традиционно высокоразви-

тых стран и все более тяготеющая к ним группа стран с динамичной переходной экономикой»³⁰. Все это говорит о том, что серьезные перемены и фундаментальные международно-политические преобразования, происходящие в современном мире, все глубже затрагивают развивающиеся страны Азии и Африки. ◆

---

³⁰ В. Барановский. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. С. 6.